

Минус тридцать

Через тридцать сибирских зим,
Завернувшись в вишнёвый плащ,
Я вернусь к тебе чуть другим:
Смертоносен, животворящ.

Тридцать прежних моих лиц
В глубине серых глаз хранишь.
Отогнав стаю чёрных птиц,
Со слезинкою ты твердишь

Мне слова о тоске и тепле.
Горький в горло пробрался ком,
Будто утром висел в петле.
Вот что значит вернуться в дом.

Старый двор теперь не узнать—
Жертва богу метаморфоз;
Только неба родная гладь
И каскады синих стрекоз.

Хороводы жёлтых шмелей
Над сиренью, что я ломал,
И сухие кудри степей,
Поперёк которых бежал

За закатом, ласкавшим взор.
Счастье лихо вокруг цело!
Вечерами звёздный узор.
Страшно, если гроза, зело.

Всех игрушек простыл и след,
Не укрыт коридор ковром.
По траве, за закатом вслед,
Дочь моя бежит босиком.

На неё смотрю из окна;
Тонет в мареве суходол.
Тридцать первая ждёт зима,
И трещит подо мною пол.

Мой город

В густой полыни и цветах крепчает
Сибирской крови город—Абакан.
Здесь каждого добром встречают,
Даруя освежающий айран.

Мой город мудр, неизменно предан
Своим корням, охотничьим повадкам.
И всякий миг судьбы людской поведен
Его обветренным кирпичным кладкам.

Чатханом изгоняет духов злых,
До блеска точит когти о песчаник.
И разгрызает кости дней былых,
Улёгшись брюхом на сухой торфяник.

Раскатист вой его среди курганов,
Глаза блещут в калейдоскопе лиц.
Пропах подшёрсток у костров шаманов,
Сплетён мостами барельеф ключиц.

Клыки-менгиры обнажив на солнце,
Пьёт воду рек, их брызгами играя.
Здесь, говорят, ходили македонцы
И караваны древнего Китая.

Зверь-город верен спящему Саяну,
Хранящему покой тайги дремучей,
Что знал в округе каждую поляну
И был укрыт белобородой тучей.

А летний день, изъеденный людьми,
Звенит фонтаном, блещет зеркалами.
Так скоротечно проплывают дни
Над выбитыми в камне именами.

Так злополучен уходящий час—
Не раз обманом выбил упования!
Над головами ласточки, кружась,
Затеяли за счастье состязание.